

УДК 340.15

**ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ
В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 20–80-Е ГОДЫ XX ВЕКА:
ОТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ**

Ю. А. Иванов

Воронежский государственный университет

В. А. Колесников

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 1 ноября 2014 г.

Аннотация: рассмотрены основные направления и закономерности модификации правового статуса личности в Чехословакии в XX в. Проанализированы преемственность и инновации в конституционном закреплении и гарантиях прав и свобод человека и гражданина в годы Первой республики, а также в период существования народно-демократической и социалистической Чехословакии.

Ключевые слова: права и свободы человека, конституционно-правовой статус личности, конституционное развитие, чешский конституционализм, народно-демократическая республика, социалистическая республика.

Abstract: the paper addresses the regulations in modification of a person's constitutional status in Czechoslovakia in the XX century. Continuity and innovations of constitutional guarantee of human rights and freedoms in the years of the first republic, as well as democratic and socialist Czechoslovakia are analyzed.

Key words: human rights and freedoms, person's constitutional status, Czech constitutional system, constitutional development, democracy, socialist republic.

Современная Чехия воспринимается как образцовая страна, в которой права и свободы личности являются важнейшим критерием совершенствования государства и ключевым принципом взаимоотношений публичной власти и общества. Такому положению вещей способствовал достаточно длительный и специфический путь развития чешского конституционализма. Его можно условно представить в виде своеобразной параболы: от либеральной конституционной практики 20-х гг. к «народно-демократическому» авторитаризму 40–50-х гг., от социалистической концепции прав человека 60–80-х гг. к современной социально-либеральной конституционной практике.

Возникновение зачатков гражданской культуры в чешских землях неразрывно связано с общим развитием конституционных традиций в Австро-Венгерской империи¹. Так, в частности, одним из самых значительных новшеств конституционного процесса в рамках империи Габсбургов для Чешской короны во второй половине XIX в. стало законодательное закрепление гарантий фундаментальных личных прав на основании при-

¹ См.: Ševčík V. Právo a ústavnost v České republice. Praha, 2002. S. 47.

нятых в 1867 г. земских органических законов, составивших так называемую Предлитавскую конституцию.

В то же время проблему прав и свобод личности в Австро-Венгерской империи большинство чешских политиков тесно связывали с национальной эмансипацией. Именно поэтому вплоть до образования Чехословацкой Республики на первом плане политических дискуссий традиционно стоял вопрос суверенитета и создания эффективного демократического государственного механизма. Примером может быть так называемое Кливлендское соглашение между Словацкой лигой и Чешским национальным содружеством в Америке от 25 октября 1915 г., в котором провозглашалось всеобщее тайное и прямое избирательное право как одна из основ независимости Чешских и Словацких земель².

Первым конституционным актом доминионской республики следует считать закон об образовании независимого Чехословацкого государства (Закон № 11), который является наглядным примером одной из важнейших характерных черт чешского конституционного процесса – постепенности и строгого следования законности. Руководящей идеей Закона № 11 стал принцип рецепции важнейших черт имперского права вновь создаваемым государством, как объяснялось в преамбуле, «для того, чтобы была сохранена взаимосвязь существовавшего до сих пор правопорядка с новым состоянием, чтобы не наступили беспорядки и чтобы переход к новой государственной жизни не был ничем нарушен...»³. Однако ни этот закон, ни так называемая «Временная конституция» 14 ноября 1918 г. (Закон № 37) не закрепляли конституционные гарантии прав и свобод личности. Они представляли собой органические акты, что на первых этапах становления независимой чехословацкой государственности было вполне объяснимым.

29 февраля 1920 г. Национальным собранием Чехословакии были утверждены ключевые законы, составившие постоянную конституцию Чехословакии (Конституционную хартию Чехословацкой Республики). Конституционная хартия вступила в силу 6 марта. Чехословацкая конституция, по мнению чехословацких юристов, являлась «с точки зрения прежнего (австрийского) права необходимо возникшим «октроированием»⁴. Согласно преамбуле конституция должна была выражать стремление «укрепить полное единство нации, ввести в республике справедливые порядки, обеспечить мирное развитие чехословацкой отчизны, содействовать всеобщему благу всех граждан государства и обеспечить благословенные свободы будущим поколениям»⁵.

Принадлежность чехословацких конституционных законов к конституциям так называемой «второй волнь» выразилась в том, что структурный блок, посвященный правам и свободам личности, выступал отнюдь

² См.: *Chovanec J., Mozolík P.* Historické a štátoprávne korene samostatnosti Slovenskej republiky. Bratislava, 1994. С. 241.

³ *Ванечек В.* История государства и права Чехословакии. М., 1981. С. 417–418.

⁴ *Weyer V.* Československe pravo ustavni. Praha, 1928. S. 35–36.

⁵ *Ustavni listina Československe republiky.* Praha, 1920. S. 2.

не на первом месте и следовал в Хартии за органическими нормами. Только пятая глава (§ 106–127) гарантировала фундаментальные гражданские права и свободы.

Абсолютное большинство статей Хартии было посвящено личным и политическим правам. В этом выразилась англо-франко-американская либеральная традиция, которая доминировала в течение последних 100 лет в общемировом конституционном процессе⁶. В §106 Хартии устанавливался принцип формального равенства. Реестр личных прав начинался свободой личности, закреплявшейся в § 107. Законом, который устанавливал обеспечительные нормы в отношении личной свободы, стал Закон об охране неприкосновенности личности и жилища и тайны переписки № 293/1920, воспроизводивший процедуру habeas corpus и принятый в развитие Хартии. С рамочным § 107 Хартии были тесно связаны § 108 (свобода селиться в любом месте Чехословакии и заниматься там деятельностью, приносящей доход), § 110 (право беспрепятственного выезда за границу), § 111 (широко понимаемая имущественная свобода, формулируемая негативным способом).

В § 112 Хартии содержалось рамочное предписание о неприкосновенности жилища, ссылаясь при этом на то, что подробности гарантий урегулирует закон, «являющийся составной частью настоящей конституции»⁷.

Исключительно важным был § 113, который устанавливал гарантии важнейших прав, обеспечивающих публичное проявление суверенитета личности – свободу печати, свободу собраний и право создавать общества. Интересным является тот факт, что содержание перечисленных субъективных прав формулировалось в одном параграфе. К указанному параграфу примыкал § 114 о свободе союзов, которая понималась как особая категория права на создание обществ.

Тайна переписки гарантировалась § 116, который вводил также лишь рамочное определение содержания данного права, оставляя его конкретизацию и установление основных гарантий Закону № 293/1920.

Под заголовком «Свобода преподавания и совести. Свобода выражения мнений» в § 117–125 Хартии закреплялись несколько индивидуальных свобод, более предметно урегулированные в основном тексте конституции. Параграф 117 гарантировал свободу выражения мнений, § 118–120 – свободу преподавания (исследования, науки), § 121 – свободу совести и вероисповедания. Положения § 122–125 содержали нормы, устанавливавшие рамочные гарантии отправления религиозных обрядов.

Одной из особенностей закрепления правового статуса индивида в чехословацкой конституции стала попытка законодателя установить уже в основном тексте меры и границы реализации личных прав и свобод. Общее правило, воспроизводившееся сразу в нескольких параграфах пятой главы, предусматривало в связи с этим два принципа: реализация права

⁶ См.: *Váxa B. Ústavní listina ČSR a vliv cizích ústav. Praha, 1924. S. 41.*

⁷ *Ústavní listina Československé republiky. S. 8.*

должна осуществляться в пределах, установленных законом (например, § 117) и осуществление субъективного права и личной свободы не должно находиться в противоречии с публичными интересами («публичным порядком», «публичной нравственностью») (например, § 122).

Несколько выпадал из общей структуры конституционного блока о правах человека § 126: «Брак, семья и материнство находятся под особой охраной законов»⁸. В данной норме нашло отражение желание законодателя, с одной стороны, закрепить получавший все большее распространение в Европе принцип позитивной дискриминации в отношении женщин и несовершеннолетних, а с другой – подчеркнуть исключительную общественную и государственную важность института брака. В целом параграф гарантировал лишь это единственное конституционное субъективное право, относящееся к ряду социально-экономических прав.

В § 127 Хартии устанавливалась конституционная обязанность – проходить военное обучение и по призыву встать на защиту родины.

После «мюнхенских соглашений» 1938 г., закрепивших отторжение от Чехословакии ряда территорий, произошли серьезные политические и конституционные изменения. Была установлена так называемая Вторая республика, которая просуществовала менее полугода. В чехословацком политическом режиме существенно усилились авторитарные тенденции, за счет которых чехословацкая политическая элита пыталась сохранить оставшуюся часть государственного суверенитета. Прежде всего, это касалось политических прав.

Нацистская оккупация принесла новые ужесточения политического режима. 16 марта 1939 г. Гитлер подписал указ о включении чешских земель в так называемый «Протекторат Богемия и Моравия» в рамках Германской империи. Права и свободы личности в протекторате оказались под мощным давлением идеи политической целесообразности, культивируемой нацистским руководством. Политические права населения приобрели глубоко деформированный характер. Под сомнение было поставлено право собственности. Распространенной практикой стали конфискации и «ариизации» предприятий, принадлежавших евреям. Насильственной монополизации подверглись тысячи мелких и средних предприятий, в большинстве носивших характер ремесленных производств. Был ликвидирован 8-часовой рабочий день, введена всеобщая трудовая повинность, за уклонение от которой следовали уголовные санкции, запрещались забастовки. В духовно-культурной сфере, прежде всего в образовании, проводилась политика германизации. Так, немецкий язык был объявлен основным в государственных учреждениях, в том числе и в школах. В 1939 г. были закрыты все чешские высшие учебные заведения. К 1945 г. вдвое сократилось число чешских средних школ. Прямому нарушению подвергались личные права, прежде всего право на жизнь. В годы нацистской оккупации несколько сотен тысяч человек были казнены, погибли в застенках гестапо, умерли в концентрационных лагерях.

⁸ Ustavni listina Československe republiky. S. 30.

После освобождения в мае 1945 г. Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков некоторое время продолжался переходный период, сутью которого являлся выбор путей дальнейшего развития чехословацкой государственности. Коренным переломом в государственном развитии Чехословакии стала «февральская революция» 1948 г., в результате которой к власти пришли коммунисты. В конце 1940-х гг. начала формироваться чехословацкая политическая коммунистическая система советского типа. Наверное, бессмысленно указывать лишь на внешний фактор «коммунизации» страны, поскольку это, как справедливо полагают некоторые исследователи, не объясняет длительности существования системы советского типа в Чехословакии⁹. Настроения молодого поколения чехов и словаков, поддержавших КПЧ в период февраля 1948 г., ярко прокомментировал З. Млынарж: «В Чехословакии 1945 года поклонение Советскому Союзу и Сталину не противоречило общенародному стремлению к свободе и справедливости, которые должны были воцариться в новом государстве...»¹⁰.

Состав Законодательного собрания, избранный еще перед февральскими событиями, 9 мая 1948 г. объявил себя Учредительным национальным собранием и принял новую «народно-демократическую» конституцию, юридически сменившую Конституционную хартию 1920 г. В полном соответствии с ленинской теорией о формальности буржуазного права в новой конституции не закреплялся принцип приоритета личной свободы. Однако уже в Провозглашении (преамбуле) подчеркивались социальная направленность государства и прямое народовластие. Готвальд так обозначил различия между старой и новой чехословацкими конституциями: «Новая конституция исходит из того, что принцип – народ является источником всей власти – не пустая красивая фраза, а сегодняшняя действительность. Вот главное, коренное различие между старой, формально-демократической и нынешней, народно-демократической конституцией: последняя гарантирует народу действительно реальную власть, а не мираж»¹¹. Чехословацкие юристы подчеркивали, что «социалистическое государство уже на первой фазе своего развития обеспечивает подавляющему большинству населения демократические права значительно шире, чем самые демократические конституции буржуазных государств. Это обстоятельство объясняется тем, что власть в социалистическом государстве принадлежит трудящимся, которые сами охраняют свои права»¹².

Народно-демократический характер Конституции 1948 г. должен был выражаться в широком комплексе прав личности, гарантировавшемся первой главой «Права и обязанности граждан»¹³. Формальное равенство

⁹ См.: *Kende P. Über die Entwicklungsmöglichkeiten der osteuropäischen Regime // Die Krise der Sowjetssystems und der Westen : Ökonomie, Ideologie, Politik und die Perspektiven der Ost-West-Beziehungen. Bonn, 1986. S. 95.*

¹⁰ *Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 7–8.*

¹¹ *Готвальд К. Избранные произведения. М., 1957. С. 266.*

¹² *Чехословацкое государственное право / под ред. Я. Бартушки. М., 1956. С. 404.*

¹³ См.: *Конституции народно-демократических республик. М., 1958. С. 56–78.*

всех граждан перед законом (п. 1 § 1) дополнялся указанием на равное положение мужчин и женщин в семье и обществе, а также в доступе к образованию, получению любой профессии, звания и занятию любой должности (п. 2 § 1).

Реестр личных прав в конституции не был полным. Гарантировались только фундаментальные права человека: свобода личности, неприкосновенность жилища, тайна переписки, свобода выбора места жительства, свобода приобретения имущества, свобода совести, свобода высказываний. В то же время в тексте конституции полностью отсутствовали гарантии права на жизнь.

В основном толкование содержания фундаментальных субъективных прав в новой конституции совпадало с общелиберальной естественно-правовой трактовкой, принятой в Европе и Америке и зафиксированной в традиции Первой республики. Однако только одно личное право – тайна переписки – в Конституции 1948 г. воспроизводилось с минимальными изначальными ограничениями (§ 6). В то же время нельзя было не заметить появления новых черт в конституционном гарантировании незыблемости прав и свобод личности. Так, в частности, практически во всех параграфах, посвященных личным правам, особый акцент законодатель сделал не на неотчуждаемости того или иного права или свободы, а на возможности их «ограничения или отнятия только на основании закона», что порождало сомнения в желании народно-демократического государства оставить для себя законодательные возможности вмешиваться в осуществление этих прав и свобод¹⁴. Это в конечном счете и стало политическим фактом в 1950-е гг.

В соответствии с текстом конституции чехословацким гражданам гарантировалась личная свобода, которая конкретизировалась в понятии «неприкосновенность личности» (§ 2). Прежде всего, имелась в виду недопустимость преследования (п. 1 § 3), произвольного ареста (п. 2 § 3), произвольного лишения свободы административным органом (п. 3 § 3). Аналогичной по содержанию была конституционная статья, гарантировавшая чехословацким гражданам неприкосновенность жилища. При этом приказ о проведении обыска мог вручить не только судебный, но и административный орган (п. 2 § 5). Кроме того, приказ о проведении обыска, равно как и документы, удостоверявшие право его проводить, могли быть представлены не в момент обыска, а в течение двух суток (п. 2–3 § 5). Параграф Конституции, гарантировавший свободу выбора места жительства, указывал на возможность ее ограничения не только «на основании закона», но и «в интересах общества» (п. 1 § 7). Помимо этого отдельно постулировалось «право переселения за границу», которое, впрочем, тоже могло быть ограничено «на основании закона» (п. 2 § 7).

Существенной особенностью конституционного регулирования правового статуса в Конституции 1948 г. стало специфическое формулирование содержания права частной собственности. Прямо в тексте конститу-

¹⁴ См.: *Adamus V. Demokratický právní stát a právo občanů postavit se na odpor // Spravní právo. 2007. Č. 5. S. 46.*

ции не была установлена безоговорочная гарантия этого одного из самых фундаментальных личных прав. Гарантировалось «в пределах общих предписаний» «право приобретать в любом месте Чехословацкой Республики недвижимое и другое имущество и заниматься там деятельностью, приносящей доход» (§ 8)¹⁵. Этим, естественно, содержание права собственности в его традиционной либеральной или социально-либеральной трактовке не ограничивается. Конституция пошла по пути конкретизации допустимого объекта частной собственности, права на который могут быть законодательно гарантированы в переходный период. Соответствующие постановления были зафиксированы в восьмой главе, § 158–159. В то же время чехословацкий законодатель уже в Конституции допускал возможность экспроприации собственности опять же «на основании закона и с возмещением», а также указывал на то, что «никто не имеет права злоупотреблять правом собственности во вред обществу»¹⁶ (п. 2–3 § 8). В условиях государственно-идеологического господства марксистской экономической и политической теории было нетрудно на основе конституционных допущений *de facto* ограничить право собственности по мере ликвидации состояния «переходности» народно-демократического строя¹⁷.

Свобода совести в Конституции 1948 г. в целом формулировалась в соответствии с традициями западного конституционализма, однако п. 2 § 15 содержал запрет на использование религиозного мировоззрения, вероисповедания или убеждения в качестве повода «отказаться от выполнения гражданского долга», возложенного законом на человека.

Одно из важнейших личных прав человека – свобода слова – было сформулировано в специальном блоке первой главы Конституции 1948 г., который назывался «Свобода высказывания и охрана культурных ценностей». Здесь наблюдалось стремление законодателя сузить содержание данного личного субъективного права и свести его к третьеразрядной группе культурных прав человека. Кроме того, в тексте Конституции зафиксирован ряд весьма серьезных рамок, которые фактически препятствовали реализовывать чехословацким гражданам свободу слова. Так, в частности, право выражения собственного мнения «никому не должно наносить вреда» (п. 2 § 18); проявления творческой деятельности в области научных исследований и искусства свободны, «поскольку они не нарушают уголовного закона» (п. 1 § 19). Конституция запрещала подвергать печать предварительной цензуре, в то же время Основной закон указывал на то, что право на издание газет и журналов, а также плановый порядок издания и распространения непериодической печати устанавливает специальный закон (§ 21). Кроме того, Конституция устанавливала государственную монополию на продукцию кинематографии, радиовещание и телевидение (§ 22). Все это в совокупности указывало на сосредоточение в руках государства, руководимого коммунистами,

¹⁵ Конституции народно-демократических республик. С. 61.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: *Klima K. Ústavní právo 2., rozšířene vydání. Plzeň, 2011. S. 130.*

мощных информационных ресурсов для тотальной индоктринации населения и практически полного отсутствия для индивида возможности свободно высказать свои мысли в открытой форме. Помимо этого в Конституции не содержалось принципиального положения о недопустимости преследования за свободное выражение собственного мнения.

Самым кратким (всего три параграфа) и туманно сформулированным в первой главе Конституции оказался блок, посвященный политическим правам личности. Декларировалось, вероятно, в качестве самого важного политического права право индивида «на петиции любому общественному органу» (§ 23). Право собраний и союзов гарантировалось Конституцией постольку, «поскольку это не угрожает народно-демократическому строю или же общественному спокойствию и порядку» (п. 1 § 24)¹⁸. При этом Конституция ссылалась на специальный закон, который, кстати, так и не был принят в «народно-демократическую» эпоху. В то же время целый параграф (§ 25) отведен профсоюзам, причем в нем содержался принципиальный тезис о существовании «единой профсоюзной организации», что косвенно не допускало возможности формирования профсоюзного плюрализма¹⁹.

Пристальное внимание в Конституции 1948 г. чехословацкий законодатель уделил социальной защите индивида. В связи с этим был представлен самый полный реестр соответствующих прав. Гарантировалась охрана брака, семьи (особенно многодетных семей) и материнства (§ 10); особая забота и защита детей (§ 11); право на образование (§ 12); право на труд (§ 26); право на справедливое вознаграждение за исполненную работу (§ 27); право на отдых (§ 28); право на охрану здоровья (§ 29). В Конституции 1948 г. специально и более детально регламентировались гарантии социальных прав отдельным категориям индивидов, прежде всего женщинам, детям и молодежи. Примером может служить следующая конституционная формулировка: «Женщины могут притязать на особое обеспечение в случае беременности и материнства, а дети и молодежь – на обеспечение их полного физического и духовного развития» (п. 2 § 29)²⁰.

Серьезное внимание в Конституции 1948 г. было уделено гражданским обязанностям. В качестве первоочередной устанавливалась обязанность «быть верным Чехословацкой Республике, соблюдать Конституцию и законы и во всех своих действиях руководствоваться интересами государства» (п. 1 § 30). При этом особое внимание Основной закон обращал на долг каждого гражданина «содействовать сохранению и увеличению народного достояния» (п. 2 § 30). В данном случае со всей яркостью проявились новшества в конституционной доктрине Чехословакии – народно-демократическое государство неотделимо от общества, следовательно, коллективные интересы, в том числе материальные, актуализируются в необходимости

¹⁸ Конституции народно-демократических республик. С. 69.

¹⁹ См.: *Rákosník J. Sovětizace sociálního státu : Lidově demokratický režim a sociální práva občanů v Československu 1945–1960.* Praha, 2010. S. 162.

²⁰ Конституции народно-демократических республик. С. 70.

«во всех своих действиях руководствоваться интересами государства» и блюсти «народное (т.е. государственное. – Ю.И., В.К.) достояние».

В то же время в Конституции устанавливались весьма специфические обязанности чехословацких граждан перед обществом, которые также демонстрировали нарастающую в конституционно-правовой доктрине и практике тенденцию к усилению коллективистских начал в противовес либеральному индивидуализму, присутствовавшему в Конституции Первой республики. К таким обязанностям относились: обязанность честно и добросовестно выполнять общественные функции, «возложенные на них народом, в духе народно-демократического строя» (§ 31); обязанность «работать сообразно своим способностям и своей работой приносить пользу всему обществу» (§ 32). Помимо этого в Конституции наряду с обязанностью платить налоги была зафиксирована возможность государства «на основании закона» «требовать выполнения личных повинностей» (§ 33). Данная расплывчато сформулированная обязанность изначально создавала предпосылки для проведения различного рода «чрезвычайных мероприятий» в «интересах общества» (точнее – государства) в переходный период. Как отголосок недавней войны в Конституции 1948 г. довольно детально сформулирована главная патриотическая обязанность гражданина – защита государства и его народно-демократического строя. При этом подчеркивалось, что «служба в народно-демократической армии Чехословацкой Республики является для каждого гражданина величайшей честью» (п. 1 § 34). Подробная регламентация обязанностей в народно-демократической конституции являлась существенным новшеством, отразившим традиционный для марксистско-ленинской конституционной доктрины тезис о том, что «только в условиях народно-демократического строя трудящиеся Чехословакии смогли приобрести действительные права и свободы, и поэтому они считают своим священным долгом свято выполнять обязанности перед своим государством»²¹.

Итак, переход от либерального государства к народно-демократической республике в Чехословакии привел к существенным формально-юридическим изменениям в конституционном гарантировании прав и свобод личности. Однако расхождение политической практики с нормативным содержанием конституционных статей во второй половине 1940-х и 1950-е гг. привело к парадоксальному результату: в массовом обыденном правовом сознании сохранились остатки либерализма, которые в течение всего периода строительства социализма дополнились симпатией к социальным гарантиям прав человека.

Во второй половине 1950-х гг. в странах «социалистического содружества» произошли существенные политические изменения, связанные с процессом десталинизации в СССР и провозглашением Н. С. Хрущевым курса на ускоренное строительство основ коммунизма. Это нашло свое

²¹ Макогон С. Е. Народно-демократическая Республика Чехословакия. Общественное и государственное устройство. М., 1954. С. 97.

выражение в серьезных конституционных изменениях и в конечном счете принятии новой чехословацкой Конституции 1960 г.

Инициатива конституционных изменений в соответствии с принципами официального политического процесса в системах советского типа исходила от компартии. XI съезд Коммунистической партии Чехословакии, состоявшийся в июне 1958 г., констатировал, что в стране ликвидирована капиталистическая эксплуатация и построены основы социализма. Сентябрьский (1959 г.) Пленум ЦК КПЧ поставил задачу разработки новой, социалистической (в отличие от прежней народно-демократической) Конституции и вынес проблему на всенародное обсуждение. На январском (1960 г.) Пленуме ЦК КПЧ было принято решение о созыве общегосударственной конференции КПЧ, на которой должен быть утвержден новый Основной закон государства. К апрелю 1960 г. проект новой Конституции был подготовлен и вынесен на всенародное обсуждение, которое продолжалось два месяца. По официальным источникам за этот период было проведено 47 400 собраний, в которых приняли участие 4 040 170 граждан. Было принято в общем 38 600 резолюций, выражающих принципиальное одобрение закона, в 1750 резолюциях содержались замечания и предложения. Кроме того, обсуждение носило и эпистолярную форму – в виде писем от граждан в партийные органы²². Данная форма работы над проектом Конституции была призвана символизировать дальнейшее развитие «социалистической демократии» и совершенствование механизмов обратной связи с обществом вследствие постсталинской трансформации политического режима в Чехословакии.

11 июля 1960 г. Национальное собрание единогласно приняло новую Конституцию – Основной закон Чехословакии, который сразу же в официальном политическом лексиконе стал именоваться «значительным шагом вперед» в сравнении с прежней Конституцией «переходного периода», так как в ней констатировалось, что Чехословакия в целом закончила строительство основ социализма и успешно преодолела «народно-демократический» этап. На учредительном заседании Национального собрания Чехословацкой Республики 9 июля 1960 г. лидер компартии А. Новотный заявил: «...проект новой Конституции выражает тот факт, что мы вступили в новый этап развития – в период строительства развитого социалистического общества»²³. В дальнейшем Первый секретарь КПЧ был обвинен в субъективизме, в том числе и за свою инициативу в принятии концепции конституционной программы строительства основ коммунизма в ЧСР, и «всякого рода импровизациях» как «в экономической, так и политической и идеологической областях, что приводило к дезориентации партии»²⁴.

Принципиальное отличие чехословацкой Конституции заключалось в двух основных аспектах. Во-первых, она была призвана регулировать не только уже существующие базовые отношения и тем самым закреплять

²² Чехословацкая Социалистическая Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1962. С. 8–9.

²³ Rude pravo. 1960. 10 července.

²⁴ XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 1971. С. 15.

достигнутые успехи в строительстве социализма, но и представляла собой программный документ, намечавший цели, задачи и «направления строительства развитого социалистического общества и создания предпосылок для дальнейшего постепенного перехода к коммунизму»²⁵.

Во-вторых, форма и содержание Конституции свидетельствовали, что ей придается характер не только нормативно-правового акта, но и документа широкого общественно-политического назначения. Как сказал А. Новотный, «...новая Конституция будет основным законом жизни государства, а также жизни всего нашего социалистического общества. В ней оформляются не только организация государственных органов и отношения граждан к государству, но и вся политическая организация нашего социалистического общества»²⁶.

Вторая глава Конституции 1960 г. была посвящена гарантиям прав человека на территории Чехословакии. Важнейшим принципом правового статуса личности стал принцип единства индивидуальных и общественных интересов, зафиксированный в п. 1 ст. 19, в соответствии с которым «права, свободы и обязанности граждан служат свободному и всестороннему развитию личности граждан и одновременно укреплению и развитию социалистического общества»²⁷. Конституция законодательно закрепила основу единства индивидуальных и коллективных интересов – труд гражданина как взнос соответствующей доли в общественный труд (п. 2 ст. 19). Вторым принципом, на основе которого строился конституционно-правовой статус личности, согласно Основному закону, стало равноправие независимо от национальной, расовой и половой принадлежности (ст. 20).

Особенностью чехословацкой Конституции 1960 г., характерной для основных законов практически всех социалистических государств, являлось исключительно и подчеркнуто приоритетное внимание к гарантиям социально-экономических прав. Соответствующий блок норм окончательно вышел по сравнению с предыдущей конституцией на первый план. В Конституции 1960 г. соответствующие права (право на труд, отдых, охрану здоровья и медицинскую помощь, материальное обеспечение в старости и в случае потери трудоспособности, на образование и др.) гарантируются в ст. 21–27. В Конституции юридически определена необходимость исключительной заботы государства о многодетных семьях (п. 2 ст. 26), детях (п. 3 ст. 26), создании специальных условий труда и специальной медицинской помощи по беременности и материнству (ст. 27).

Такое пристальное внимание законодателя в социалистических странах к гарантиям социально-экономических прав индивида (причем не просто индивида, а обязательно – «человека труда», «трудящегося») объ-

²⁵ Rude pravo. 1960. 10 července.

²⁶ Ibid.

²⁷ Sbirka zákonů ČSR. 1960. Č. 100. Далее в тексте ссылки на это официальное издание Конституции 1960 г.

яснялось двумя обстоятельствами. С одной стороны, развитость гарантий социальных прав индивида со стороны государства являлась индикатором реализации на уровне всего общества принципа коллективизма – принципиальной основы конституционно-правового статуса личности в социалистических странах. Социалистическое государство, неотделимое от общества, должно заботиться о своих гражданах, внесших свой вклад в «общественный труд» посредством оказания им помощи (прежде всего, материальной) в реализации социальных прав²⁸.

С другой стороны, логика социалистической конституции требовала такого исключительного внимания к социальным правам в силу переходного характера «социалистического общества», которое мыслилось как практически последний «рубеж для прыжка» в подлинное «царство свободы» – коммунизм. Именно поэтому гарантии социальных прав со стороны государства – показатель совершенности социалистической государственной организации в сравнении с «буржуазным государством» с его приоритетом личных прав и принципом формального равенства²⁹. Эта тенденция, как указывалось выше, возникла еще на «народно-демократической» стадии развития.

Оборотной стороной гипертрофированного подхода к проблеме гарантий прав человека стала конституционно обеспеченная возможность нарушения суверенитета личности. Личные (гражданские) права в Конституции 1960 г. по сравнению с предыдущим Основным законом уже находятся на втором месте (ст. 28–33). Их реестр достаточно стандартен – свобода выражения мнения (в частности, свобода слова и печати), право обращения с предложениями, замечаниями и жалобами, неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки, свобода выбора места жительства и свобода совести. Однако некоторые нюансы в формулировании содержания субъективных личных прав в Конституции 1960 г. все же имелись. Так, в тексте отсутствовали, в частности, гарантии свободы передвижения, которая заменялась в Основном законе «свободой выбора места жительства» (ст. 31). Вместо формулируемого и гарантируемого абсолютным большинством конституций стран мира права на петиции, которые понимаются, прежде всего, как требования общества, вытекающие из принципа народного суверенитета, в Конституции было зафиксировано право на подачу жалоб и предложений, что деградирующим образом формировало конституционные основы взаимоотношений общества и государства. Статья 32 (п. 2) устанавливала пределы ограничения свободы совести: «Вероисповедание или же убеждение не может ни для кого служить основанием для уклонения от выполнения гражданского долга, возложенного на него законом».

²⁸ См.: *Ryba J. Vývoj sociálního zákonodárství a sociálního zabezpečení v Československu v letech 1945–1989 // Vývoj práva v Československu v letech 1945–1989 / Uspoř. K. Malý. Praha, 2004. S. 498.*

²⁹ См.: *Rákosník J. Sovětizace sociálního státu : Lidově demokratický režim a sociální práva občanů v Československu 1945–1960. Praha, 2010. S. 455.*

Данное ограничение, по сути, сводило на нет условия реализации этого субъективного права. Позитивное право в форме закона явно стало довлеть над естественными правами индивида что, впрочем, определялось нормативистской догмой права, характерной для всех социалистических стран того времени.

Весьма специфической являлась ст. 33, которая целевым мотивационным образом закрепляла возможность предоставления ЧСР убежища иностранным гражданам, «преследуемым за защиту интересов трудящихся, за участие в национально-освободительной борьбе, за научную деятельность и художественное творчество или за борьбу в защиту мира».

Особенностью Конституции 1960 г. стала слабая фиксация политических прав населения. В Основном законе отсутствовало такое фундаментальное право, как право на объединение в союзы в его политической интерпретации. Несколько двусмысленно звучала ст. 5 Конституции, в которой было зафиксировано не то субъективное право, не то субъективная обязанность: «В целях развертывания общественной деятельности, всестороннего и активного участия в жизни общества и государства и для осуществления своих прав трудящиеся объединяются в добровольные общественные организации...». В то же время такие права, как право участвовать в управлении государством, свобода собраний и митингов, свобода уличных шествий и демонстраций, оказались «привязанными» к гарантиям свободы выражения мнения (п. 1 ст. 28), что являлось явно суженным пониманием содержания данных прав. Пожалуй, единственно четкой в реестре политических прав индивида в Конституции 1960 г. была формулировка содержания активных и пассивных избирательных прав граждан Чехословакии, содержавшаяся, правда, в первой главе.

Отличительной чертой всех социалистических конституций, в том числе и чехословацкой 1960 г., стало тщательное закрепление в основных законах конституционных обязанностей. Здесь вновь получила развитие тенденция, впервые проявившаяся в «народно-демократической» конституции Чехословакии. Обязанностям в Конституции 1960 г. отводятся положения не только второй главы, но и других блоков Основного закона, среди них: обязанность соблюдать Конституцию и законодательство (ст. 34); «блюсти интересы социалистического государства и общества трудящихся» (ст. 34); беречь и укреплять социалистическую собственность (ст. 35); приложить все усилия для выполнения государственного плана развития народного хозяйства (п. 1 ст. 13); трудиться на пользу общества (п. 2 ст. 19); честно и добросовестно выполнять общественные функции (ст. 36); защищать Отечество и его социалистический строй (п. 1 ст. 37)³⁰; уважать права сограждан и правила социалистического общежития (т.е. норм «социалистической морали»).

³⁰ Статья 37 установила, что прохождение воинской срочной службы определяется соответствующим законом. Таким законом стал Закон об обороне Чехословацкой Социалистической Республики от 18 апреля 1961 г.

Как видно, конституционное понимание обязанностей индивида в Основном законе социалистической Чехословакии еще дальше по сравнению с предшествующим периодом вышло из рамок традиционных взаимоотношений личности и государства. Обязанность стала пониматься как мера должного поведения, устанавливаемая государством для реализации не только государственно-значимых, но и максимально широко понимаемых общественно значимых целей, прежде всего, дальнейшего совершенствования социализма³¹.

Для периода конца 1960-х гг. применительно к конституционно-правовому статусу личности в Чехословакии можно говорить о некотором дисбалансе между официальной конституционно-правовой теорией и ее отражением в Основном законе и других источниках права, с одной стороны, и общественными ожиданиями – с другой. Население Чехословакии, готовое примириться с определенными изъятиями из конституционного реестра личных прав в пользу прав социальных в «народно-демократический» период, быстро разочаровалось в эффективности гарантирования и тех и других в условиях политических репрессий и перестройки экономики в конце 1940-х – 1950-е гг.

В то же время относительно благополучное развитие народного хозяйства, начавшееся в 1960-е гг., в целом убеждавшее в реальности гарантий социально-экономических прав со стороны «социалистического государства», в конце 1960-х, особенно в 1970-е гг., со всей очевидностью поставило на повестку дня вопрос о соответствии общественной практики конституционным положениям о личных и политических правах. «Пражская весна», ее подавление в 1968 г. и последовавший за этим период «нормализации» принесли изменения в политический режим Чехословакии. Несмотря на то что штат карательных организаций по-прежнему оставался огромным (в 1980-х гг. в структурах госбезопасности числилось около 7 тысяч сотрудников)³², физический террор применялся уже весьма sporadически. Гораздо более широкое применение получил «моральный» террор, т.е. исключение из партии, лишение работы, профессии, слежка, допросы, угрозы семьям, высылка за границу и т.п. «Политический массовый террор... был заменен систематическим политико-полицейским надзором за обществом, который подавляет очень дифференцированным образом различные критические и оппозиционные тенденции в обществе уже в зародыше. Непосредственные судебные репрессии и тюремные заключения людей из политических оснований применяются только против численно малых групп. Это создает общую атмосферу, которая более благоприятна для формирования реальных социальных интересов»³³.

³¹ См.: *Příbáň J.* Komunistická teorie státu apráva : kritický nástin strukturních znaků a vývoje československé právní teorie v období let 1948–1989 // *Vývoj právav Československu v letech 1945–1989 / Uspoř. K. Malý.* Praha, 2004. S. 70.

³² См.: *Ярошевский В.* Час бдительности // *Московские новости.* 1991. № 42. 20 окт.

³³ *Mlynar Z.* Entwicklungsmöglichkeiten der politischen Systeme im Sowjetblock // *Die Krise der Sowjetssysteme und der Westen : Okonomie, Ideologie, Politik und die*

Все это создавало более благоприятные возможности для чехословацкого общества требовать надлежащие гарантии личных и политических прав при отсутствии достаточно серьезной критики несоблюдения государством своих обязательств в отношении социально-экономических прав.

Данное обстоятельство стало одной из фундаментальных причин возникновения чехословацкого инакомыслия и независимой деятельности, которую чаще всего принято называть диссидентством: «...существует большая зависимость между либерализацией режима и появлением широкомасштабного диссидентства... Поскольку террористический режим официально развенчан, то напряжение, которое накапливалось годами, часто вырывается наружу»³⁴.

Вместе с тем термин «диссидентство», по верному выражению одного из правозащитников – И. Пеликана, «ограничивает всю богатую гамму активности снаружи рамками простого негативного непризнания официального истеблишмента, несмотря на то, что в русле этой активности часто предлагаются реформы и коренные мероприятия и звучат призывы к господствующему режиму о конструктивном диалоге»³⁵.

Независимые оппоненты режима путем проб и ошибок выработали новую тактику противостояния системе – «неполитическую политику», ядром которой стала распространенная среди чехословацких диссидентов идея о преобладании морали и права над политикой. Один из идеологов чехословацкого диссидентства Ян Паточка писал: «Государство, общественные формации в целом подчиняются нравственному чувству, они признают над собой что-то безусловное, что для них наиболее важно, неприкосновенно и неуловимо... Политика подчинена праву, а несколько не право политике»³⁶.

В реальности сутью «неполитической политики» стала критика на основе конституционных положений и законов злоупотребления властью. Стимул подобного рода деятельности придала Хельсинкская конференция и ее Заключительный акт 1975 г., который подписало коммунистическое руководство Чехословакии. Вместе с двумя Международными пактами о правах человека 1966 г. Заключительный акт был опубликован в Своде законов ЧССР и стал, таким образом, составной частью чехословацкой правовой системы. В конце 1976 г. несколько оппозиционных течений объединились и 1 января 1977 г. подписали документ «Хартия»-77, который стал началом правозащитного движения, оказавшегося, в свою очередь, ядром диссидентской деятельности. Интегрирующим фактором в этом движении «стало сопротивление режиму, который препятствовал

Perspektiven der Ost-West-Beziehungen. Bonn, 1986. S. 72.

³⁴ Holmes L. Politics in communist world. Oxford, 1986. P. 275.

³⁵ Pelikan J. Über die «Opposition» in den Ländern des Sowjetblocks // Die Krise der Sowjetssystems und der Westen : Ökonomie, Ideologie, Politik und die Perspektiven der Ost-West-Beziehungen. Bonn, 1986. S. 172.

³⁶ Patocka J. O povinnosti branit se proti bezpravi // Charta 77. 1977–1989. Od morální ke demokratické revoluce. Bratislava, 1990. S. 31–34.

собственным гражданам пользоваться основными правами человека, даже если этого не хотело, не понимало или не испытывало в этом потребности большинство»³⁷.

Политические потрясения конца 1980-х – начала 1990-х гг. привели к обновлению конституционного законодательства Чехословакии, а затем, после ее распада, Чехии. С определенной степенью уверенности можно констатировать, что на выработку основного современного чешского документа о правах человека – Хартию основных прав и свобод 1991 г.³⁸ – повлияла типичная для этой страны традиция сохранения преемственности с предшествующим развитием права³⁹. Это выразилось в гуманистической попытке, с одной стороны, конституционно гарантировать весь реестр универсальных прав человека, а с другой – законодательно закрепить максимальную открытость к новациям в дальнейшем развитии системы защиты прав и свобод личности.

³⁷ *Moulis V. Vznik, krize a rozpad sovětskeho bloku v Evropě. 1944–1989. Ostrava, 1991. S. 261–262.*

³⁸ *Sbirka zákonů České Republiky. 1993. Č. 1–2.*

³⁹ См.: *Boguszak J. Vznik Listiny a některé otázky interpretace // Deset let Listiny základních práv a svobod v právním řádu České republiky a Slovenské republiky / Ed. B. Dančák. Brno, 2001. S. 32.*

Воронежский государственный университет

Иванов Ю. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

E-mail: ivanov@law.vsu.ru

Тел.: 8-910-343-09-13

Воронежский институт МВД России

Колесников В. А., кандидат политических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права

E-mail: vkolesnikov3@gmail.com

Тел.: 8-910-340-29-00

Voronezh State University

Ivanov Yu. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department

E-mail: ivanov@law.vsu.ru

Tel.: 8-910-343-09-13

Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Kolesnikov V. A., Candidate of Political Sciences, Professor of the Theory and History of State and Law Department

E-mail: vkolesnikov3@gmail.com

Tel.: 8-910-340-29-00